

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ «ТРАКТАТ»?

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

**Никифоров Александр
Леонидович** – доктор
философских наук, главный
научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: nikiforov_first@mail.ru

SO, WHAT IS *TRACTATUS*?

REPLY TO CRITICS

Alexander L. Nikiforov –
Dsc in Philosophy,
Chief Research Fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240,
Russian Federation;
e-mail: nikiforov_first@mail.ru

Прежде всего мне хотелось бы высказать мою благодарность коллегам, принявшим участие в дискуссии. Следует заметить, правда, что дискуссия не совсем получилась, ибо в главном почти все мои оппоненты со мной согласны: «Трактат» Витгенштейна не оказал никакого влияния на логический позитивизм. Оказывается, это давно признано специалистами, и я со своими рассуждениями на эту тему ломился в открытую дверь.

Лишь Вадим Валерьевич Васильев в своей статье «О влиянии Витгенштейна на логических позитивистов» высказывает мысль о том, что такое влияние все-таки было. Правда, он ограничивает свое рассмотрение только Венским кружком и показывает, что руководитель Кружка М. Шлик и один из его членов Ф. Вайсман находились под полным влиянием Витгенштейна, что в воздействии на них идей «Трактата» признавались такие люди, как Р. Карнап, О. Нейрат, А. Айер. Я вполне согласен с Вадимом Валерьевичем относительно того, что отдельные представители логического позитивизма испытали на себе влияние «Трактата», но это никак не сказалось на общей

доктрине логического позитивизма. И в этом смысле нельзя говорить о влиянии Витгенштейна на логический позитивизм. Впрочем, чтобы судить об этом основательно, нужно было бы в общем виде представить учение логических эмпиристов и сопоставить его с афоризмами «Трактата». Но это, конечно, выходит далеко за рамки нашего обсуждения.

Самое главное, что я понял, читая статьи моих уважаемых коллег, так это то, что мы с ними существенно расходимся в оценке «Трактата» как философского произведения. Вот об этом я и хочу сказать здесь несколько слов.

Сначала об одном недоразумении. Валерий Александрович Суровцев полагает, что я невысоко оцениваю философское содержание «Трактата» только потому, что он не оказал влияния на логический позитивизм. В частности, он приписывает мне следующую мысль: «“Трактат” не оказал никакого влияния на логический позитивизм и, поэтому, его содержание ничтожно». И далее возражает: действительно, «Трактат» не оказал влияния на логический позитивизм, но отсюда еще не следует, что его содержание ничтожно. Дорогой Валерий Александрович, я говорил о бедности философского содержания «Трактата» в статье (2018), упомянутой в моем тексте, совершенно не касаясь логического позитивизма. Здесь простое недоразумение, вызванное, по-видимому, неясностями моего языка.

В отличие от меня В.А. Суровцев высоко оценивает вклад Витгенштейна в логику и математику: учение о тавтологичности предложений логики и математики, использование таблиц истинности, классификация парадоксов и т.п. Мне все это казалось незначительным по сравнению с тем, что сделали К. Гедель, А. Тарский, К. Льюис, А. Гейтинг, но, возможно, Валерий Александрович прав.

Виталий Валентинович Целищев в своей статье «Рассел и “Трактат” Витгенштейна: забытый долг» показывает, что большую часть идей «Трактата» Витгенштейн заимствовал у Б. Больцано, Г. Фреге и Б. Рассела. Поэтому, говорит он, «Трактат» обладает серьезным философским содержанием, и я неправ, считая его ничтожным. Конечно, мои оппоненты знают «Трактат» и его предысторию гораздо лучше, чем я, поэтому вполне могут быть правы. Виталий Васильевич Оглезнев ставит вопрос о том, может ли философия права извлечь что-то ценное из «Трактата»? И, кажется, приходит к отрицательному ответу. Наконец, К.А. Родин истолковывает «Трактат» как метафилософское произведение, входящее в область этики. Таким образом, я расхожусь с моими уважаемыми оппонентами в главном – в оценке философского содержания «Трактата». Все они находят в этом произведении какие-то значительные философские, логические, даже этические идеи. И этим объясняют не ослабевающий уже в течение столетия интерес к нему. Я же полагаю, что «Трактат» – это малограмотная бессвязная чепуха, написанная не вполне здоровым,

но бесконечно самоуверенным человеком. Ну, в самом деле, дорогие друзья, если бы к вам подошел вчерашний аспирант и стал бы с апломбом поучать вас: о чем можно говорить, о том следует говорить ясно, а о чем нельзя говорить, о том следует молчать. И при этом сам бы он писал бессвязную чушь как раз о том, о чем нельзя говорить! Как бы вы отреагировали на его поучения? Но именно этим занимается Витгенштейн! И внимание, которое до сих пор привлекает «Трактат», обусловлено, на мой взгляд, вовсе не его философским содержанием.

Можно предположить, что «Трактат» Витгенштейна – это такой же символ для философии, как «Черный квадрат» Казимира Малевича для изобразительного искусства. Кстати сказать, «Квадрат» Малевича был представлен на выставке в 1915 г., а «Трактат» Витгенштейна, как говорят, был закончен в 1918 г. Супрематистский «Квадрат» Малевича символизировал полный разрыв с традиционной предметной живописью, которая посредством образов, запечатленных на холсте или воплощенных в мраморе, стремилась вызвать в зрителе какие-то чувства, доставить ему эстетическое наслаждение. Авангардизм провозгласил, что художник должен выражать в своем произведении себя – свои мысли и чувства и не заботиться о том, какое впечатление это произведет на зрителя. И это имело чудовищные последствия. Вряд ли стоит говорить о том, что это привело к полной деградации изобразительного искусства. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сходить в любой музей современного искусства. В Соединенных Штатах предприимчивый Энди Уорхол превратил живопись в изготовление рекламных плакатов и наклеек на банки с продуктами. В 1967 г. он представил полотно, на котором изобразил банан. И этот банан стал чрезвычайно популярен. Дошло до того, что недавно итальянский художник М. Каттелан представил на художественной выставке инсталляцию под названием «Комедиант». Это был просто банан, прикрепленный скотчем к стене. Инсталляция была оценена в 120 тысяч долларов. Другой художник Дэвид Датуна, гуляя по выставке, оторвал банан от стены и съел его со словами: «Мне нравится искусство Каттелана. Очень вкусно!». Вот отдаленные последствия «Квадрата» Малевича. Впрочем, для нас здесь интереснее другое.

Предметная живопись *понятна* для зрителя. Вот я смотрю на «Поцелуй Иуды» Джотто, и мне противен этот человек, толстыми вывороченными губами тянущийся к лицу Христа, который смотрит на него сверху вниз и как бы говорит: «Исполни же предназначенное, предатель!». Вот я вижу «Венеру» Боттичелли, выплывающую на раковине из моря. И мне понятен ее грустный взгляд, обращенный на приближающуюся землю: богиня предвидит, какую бурю страстей вызовет ее появление! А вот «Венера Урбинская» Тициана вызывает восторг от зрелища прекрасного, от нее невозможно оторвать глаз

и хочется пасть перед ней на колени. Мне не нужны искусствоведы, разъясняющие или комментирующие живописное полотно, я и без них испытываю эстетическое наслаждение.

А абстрактное искусство само по себе непонятно и требует разъяснений и интерпретаций. Что хотел сказать Малевич своим «Квадратом»? Или «Черным кругом»? «Черным крестом»? Здесь появляется огромная толпа «искусствоведов» – интерпретаторов и комментаторов. Одни интерпретации расходятся с другими, начинаются споры, и толпа так называемых художников сплавляется с толпой так называемых искусствоведов. Они живут и кормятся за счет друг друга, используя коммерциализацию искусства.

Но ведь примерно то же самое произошло и с «Трактатом»! Он столь же непонятен, как «Квадрат» Малевича, и нуждается в истолкованиях и разъяснениях. Витгенштейн объявил всю предшествующую философию бессмысленной, а философские проблемы – иллюзорными, обусловленными неправильным употреблением языка. Отсюда вся философия сводится им к анализу языка. Философ уже не имеет права рассуждать о добре и зле, о смысле жизни, о счастье и свободе, о справедливости и красоте – об этом нужно молчать. Но это означает конец философии как рационального мировоззрения, отличного от обыденного и религиозного! И действительно, мы видим, как англо-американская аналитическая философия, попавшая под влияние Витгенштейна, постепенно выродилась в жонглирование аргументами, в языковые игрища, в пустопорожнюю болтовню ни о чем.

Бесвязный текст «Трактата» породил кучу комментаторов и разъяснителей. В статье К.А. Родина упоминается некая Билецкая, которая насчитала пять волн различных интерпретаций этого невнятного произведения, до сих пор снабжающего пищей все новых комментаторов. К счастью, на континентальных и российских философв Витгенштейн, кажется, не оказал почти никакого влияния.

Еще раз благодарю моих уважаемых оппонентов. Надеюсь, нам удалось представить разные точки зрения на «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна и тем самым отметить 100-летний юбилей этого поистине удивительного произведения.